

Цви (Григорий) Самойлович Фридлянд

Переписка Робеспьера

«Историк-марксист», 1927, т.3. С.78-89.

Веб-публикация: Оппортунист и [Vive Liberta](http://www.diary.ru/~vive-liberta), 2010. Дореформенная орфография оригинала сохранена. Данная статья является предисловием к сборнику писем Максимилиана и Огюстена Робеспьеров, размещенного в нашей библиотеке 6 мая 2010 г.: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p107821811.htm>

Изучение Великой Революции конца XVIII века медленно, но верно подвигается вперед. Наиболее близкой нам, марксистам, является группа французских историков во главе с Матьезом, объединенная в «Societe des etudes Robespierriessie». Журнал О-ва по изучению жизни и деятельности Робеспьера, («Annales Historiques de la Revolution Francaise») дает часто богатый и поучительный материал по социальной истории революций, знакомит нас с деталями борьбы в рядах якобинцев, сообщает интересный материал по провинциальной истории. Члены общества каждый год преподносят науке исследования, углубляющие наши знания и расширяющие задачи изучения революции. Матьез отодвинул в сторону Олара и его школу.

В этом большая заслуга и значение «робеспьеристов» для революционного марксизма. Но ближайшее рассмотрение работ «Societe des etudes Robespierriessie» покажет нам, как далеки еще его члены от методологии революционного марксизма, от правильного социально-экономического исследования революции. Анализ их работ будет для нас чрезвычайно ценен в методологическом отношении.

Перед нами одна из публикаций общества: «Correspondence de M. et Aug. Robespierre», изданная с примечаниями и предисловием Ж.Мишона (1926 г.). Мишон, автор книги «Essai sur l'Histoire du Parti Feullant» и издатель переписки Барнава, дал нам тщательно подобранный том писем «Неподкупного» и его младшего брата, снабдил их подробными примечаниями, с тщательным указанием источников, которыми он пользовался. Книга издана весьма тщательно в научном отношении*. В своем предисловии составитель указывает на огромное количество исчезнувших писем великих революционеров. Термидорианцы по мере своих сил и возможностей ликвидировали все, что могло бы говорить в пользу Робеспьера; все, кто, имел основание бояться белого террора, старательно уничтожали следы своих сношений с ним; да и время, наконец, сыграло свою разрушительную роль. Но все же Ж.Мишон собрал около 500 писем из разнообразнейших источников. Папки Archives Nationales, муниципальной библиотеки Нанта, Версаля, собрание автографов и, наконец, публикаций на протяжении больше столетия (пресса эпохи, ревью, публикации Олара и т.д.) — все это использовано для тома переписки. Составитель вполне откровенно формулирует в предисловии задачу своего труда: «Эта переписка Робеспьера является его лучшей защитой». Ни одно из писем, как ни уничтожали термидорианцы все свидетельства в пользу братьев, не может быть использовано против них. Их честность неоспорима, и в ее лучах враги их окончательно осуждены историей. Поистине досадно, что богатство, собранное Ж.Мишоном, служит ему доказательством только этой тезы. Вопрос, казалось бы, давно решен — стоит ли спорить с врагами революции, которые будут продолжать традиции Тэна до окончательного торжества над ними новой революции? В этом слабость и некоторая беспомощность «робеспьеристов», что они все еще реабилитируют великих революционеров конца XVIII века, а наша общая задача — изучать эпоху...

* А.Матьез в рецензии на книгу (см. «Annales Historiques de la R.F.» — № 18) отмечает некоторые ошибки составители: не опубликованы два письма Макс., написанные в день 9 термидора; в отдельных случаях не совсем точно указана дата, писем, в CCVI и CDXLIII письмах ошибочно указан, как автор первого письма Рауап-младший, а второго Рауап-старший и т.д. А.Матьез в заключении оправдывает свой научный ригоризм в отношении к публикации документов, но признает, однако, строго научный характер публикации Мишона.

Обратимся к письмам. Первое письмо относится к январю 1776 года,, последние к 5 термидора II года. Мы имеем здесь не только переписку братьев, но и письма всех виднейших революционеров, друзей и врагов Робеспьера (Сен-Жюст, М.Ролан, Трейяр, жирондисты, Шапелье, Тальен Фрерон, Дюмон и т.д.), граждан, обращающихся к «Неподкупному» с просьбами и предупреждениями, официальную переписку Комитета Общественного Спасения, принадлежащую перу Максимилиана, и донесения из армии Огюстена. До революции в письмах почти не затронуты общественные вопросы, с мая 1789 г. мы редко встречаем рассуждения о личных делах. В революционные годы все подчинено одной задаче: торжеству революции. Адвокат Максимилиан Робеспьер (De Robespierre) пишет до революции галантные письма дамам. Накануне революции в письме к молодой девушке он с печалью заявляет: «Если у вас нет личного счастья, вы ищите утешения в счастье других», и высказывает ряд сентенций в духе XVIII века. Но уже первые письма в мае 1789 г. дают много интересного и ценного. В письме к другу своему Buissart'у (24 мая 1789 г.) он подробно описывает борьбу в Генеральных Штатах и жалуется на свои первые неудачи на парламентском поприще. Для Робеспьера неприемлема позиция Рабо де-Сент-Этьена, предлагающего послать представителей к первым двум сословиям для переговоров; он считает, что это только затянет решение вопроса, даст возможность правящим сословиям организовать сопротивление. Необходимо обратиться с воззванием к дворянам, а главное, к духовенству, необходимо внести раскол в их ряды. Он неодобрительно отзывается о безнравственном Мирабо, он клеймит дворян и с радостью встречает известия о переходе части духовенства на сторону революции. Робеспьер с радостью, но не без некоторого смущения сообщает 23 июля Buissart'у о восстании народа и торжественно изображает короля среди граждан французов. Робеспьер присоединяется к «paroles libres» Больи: «Вам досталась ваша корона по рождению, вам она будет принадлежать теперь лишь благодаря вашим добродетелям и верности подданных». Он сообщает другу о волнениях в столице, об опасности разгрома рынков и приветствует образование национальной буржуазной гвардии — стража порядка. Робеспьер удивляется тому обстоятельству, что до сих пор гвардия не создана в Аррасе, и усиленно предлагает землякам приступить к ее организации.

Переписка первых лет дает нам ряд любопытных указаний об отношении братьев и к другим особо важным революционным событиям. В сентябре 1789 г. Огюстен в письме к Buissart'у сообщает о предполагаемом походе на Версаль; он утверждает, что голод — единственный стимул движения. Для братьев Национальное Собрание вскоре определилось, как контрреволюционное собрание: «Большинство собрания — ожесточенные враги свободы». Две палаты и veto — таковы лозунги врагов революции. И в следующем письме от 10 сентября он снова подчеркивает, что без политического закрепления свободы отмена десятины и феодальных прав — паллиатив, потому что «нет ничего более редкого, чем великодушный священник и бескорыстный дворянин: первый стал священником только для получения десятины, второй появился на свет лишь для грабежа». Мысль эту братья неоднократно повторяют в своих письмах: экономические задачи революции подчинены политическим, разрешите вопросы власти и вы разрешите все остальное.

Отмечая одно поражение революции за другим, братья пытаются уже в ноябре 1789 года подвести некоторый итог борьбе. В этом смысле важно письмо Максимилиана, полученное Buissart'ом 9 ноября 1789 г. Робеспьер спрашивает о том, что слышно в провинции, как укрепляется здесь революция, выполняют ли на местах революционные декреты. Он сообщает другу, что сила духовенства сломана декретом о переходе церковных земель в руки нации, феодальная аристократия почти уничтожена. Но «свободны ли мы»? Все окружающее дает основание сомневаться... Конституция полна недостатков, закон об активных гражданах — серьезное зло нового порядка. «Мне кажется, — продолжает он, — что народное представительство, основанное на указанной основе, может легко возвысить аристократию богатых над руинами феодальной аристократии».

В начале 1790 г. завязывается интересная переписка по вопросу о крестьянстве, о налогах феодальных повинностях, еще не уничтоженных Собранием. Главный контролер финансовом. Lambert сообщает Робеспьеру о том, что до него дошли сведения будто Максимилиан в письме к Moreau, канонику Парижа, брату пивовара из общины Eong, распространял всяческую хулу на Главное Акцизное Управление и выступал против чиновников государства. Письмо это теперь распространяется открыто и возбуждает массы. Робеспьер в своем ответном письме категорически отрицает, что он — автор письма; он утверждает, что истинно народные представители не могут писать подобных писем, подстрекающих к смуте. Он не аристократ и, следовательно, не может предлагать сопротивление законному взиманию налогов. Спокойствие и порядок — таковы принципы друзей революции. Но клевета получила широкое распространение. Со всех сторон М. Робеспьера обвиняют в том, что он призывает не платить налоги, не выполнять повинностей, сохраненных законом. Об этом пишут ему неоднократно его друг Buissart и младший брат. В одном из писем весны 1790 г. (письмо без даты) последний сообщает ему об организации филиала клуба общества Друзей Конституции и о пламени пожаров в деревнях округа. Огюстен сообщает брату, что до сих пор поджигатели не обнаружены, но — нет сомнения — в анархии виновны враги общественного блага. Максимилиан должен рассеять недоразумение или исправить ошибку, он не должен давать врагам революции возможности связать со своим именем анархию в деревнях. В июне 1790 года Робеспьер-младший снова предлагает брату раз'яснить крестьянам, что необходимо платить подати если не частным владельцам, то нации: надо сделать все, чтобы задержать распространение дурных примеров. Мы видели, что Максимилиан занимает в этом вопросе ясную позицию: он всецело разделяет мнение брата. В письме к Ш.Мишо (18 июня 1789) он доводит до его сведения, что деревенское самоуправление не может пока исполнять судебных функций; здесь сениоральные судьи сохраняют свои полномочия до новой организации судебной власти.

Вопрос, который в эти годы занимает особо значительное место в переписке, — это закон об «активных и пассивных гражданах». Раз'ясняя патриотическому комитету Лилля (12 февраля 1790 г.) сущность понятия «прямой налог», он с горестью замечает: И мы вынуждены заниматься всем этим, вместо того, чтобы раз'яснять народу права справедливости, разума и человечности. Но все же вопрос этот занимает внимание Максимилиана. Он видит опасность победы буржуазной аристократии и ведет против нее решительную борьбу. На этой почве у него растут связи с революционными клубами в провинции. Со всех концов Франции патриоты пишут Робеспьеру о своей солидарности с ним. Патриотический клуб Тулона, муниципалитет Марселя, общество Друзей Конституции Версаля и т.д. — все истинные демократы видят в нем своего вождя. Муниципалитет Тулона сообщает Робеспьеру о пожаловании ему титула «Гражданина Тулона». Робеспьер заявляет в ответных письмах о том, что он берет на себя защиту прав революционного народа. Он отмечает огромное значение возникающего революционного самоуправления и самоорганизации на местах, он поощряет эту инициативу и ищет связи с патриотами (см. письмо тулонскому муниципалитету в июле 1791 г.). Письма 1790—91 г.г. особенно интересны именно с этой точки зрения: Робеспьер становится вождем революционной Франции. Мы оставляем в стороне первые письма К.Демулена, Сен-Жюста, Петиона к Робеспьеру, в которых завязаны были новые связи друзей революции в начальный период борьбы с победившей буржуазной аристократией. Для Сен-Жюста М.Робеспьер — непреодолимая преграда деспотизму и интриге; он приравнивает его к божеству за чудеса его деяний. Но он наивно спрашивает: почему города поглощают преимущества деревень, оставляя последним только налоги...

Обращает на себя внимание письмо М-ме Ролан (27 сентября 1791 г.), в котором она преклоняется перед Макс.Робеспьером, как человеком энергии и принципов. Она отмечает, что победе народа на выборах препятствует система подкупов... Патриотам придется не мало трудиться, чтобы обеспечить победу революции.

Робеспьер в письмах 1790—91 г.г. неоднократно отмечает мобилизацию контрреволюционных сил (см. письмо 13 декабря 1790 г. Buissart'y); он упорно разъясняет всем, что борьба с неприсягнувшим духовенством не вопрос философии и религии, а политики. Следует покровительствовать всем культам, но не тем, которые объявляют войну инакомыслящим.

М.Робеспьер встретил Законодательное Собрание с большим сочувствием: его состав гарантирует ему, по его словам, революционную роль. Имя фельянов стало предметом насмешек. Но новое собрание не может не победить, чтобы ни говорили о нем... Спокойствие и надежды длились, однако, недолго. Переписка обнаруживает нарастание тревоги с декабря 1791 года. Младший брат пишет Максимилиану 15 декабря о том, что их общество Друзей Конституции считает «отечество в опасности» благодаря продолжающейся эмиграции. Якобинцы должны быть на-страже, опасность, угрожает революции внутри страны и вне ее.

С декабря 1791 г. главный вопрос, занимающий братьев, это вопрос об объявлении войны. Естественно, что он занимает огромное место в переписке, и нужно сказать, что мы из писем узнаем кое-что очень и очень интересное для решения вопроса о «виновниках войны» и об активной агитации якобинцев, главным образом Максимилиана Робеспьера, против войны. В письме к Gorsas'у от 30 марта 1792 года он заявляет, что в его выступлениях речь идет не вообще о войне и мире, а об оборонительной или наступательной войне. Главная опасность — в том, что внешняя война связана с гражданской войной внутри Франции. Воспользоваться разногласиями держав, избежать войны и гражданской смуты, покорить мирным (по возможности) путем контрреволюцию в стране — такова программа действий. В письме издателю «*Courrier des 83 departements*», восстанавливая истинный смысл своей речи против войны в клубе Друзей Конституции, М. Робеспьер подчеркивает свое: желание примирения с Бриссо, отмечает то, с чем он согласен и против чего он восстает. «Наш союз, — торжественно закончил Робеспьер свою речь, — основан на священной почве патриотизма и добродетели; будем бороться, как свободные люди, энергично и с прямоотой, если это необходимо, но сохраняя при этом уважение и дружбу.» В апреле к нему обращается с письмом Петион, настаивая на сохранении союза дружбы и объединении сил. О том же пишет 17 июня 1792 г. Робеспьеру видный негодник и член муниципалитета Монпелье. Он защищает Лафайета. Робеспьер в ответ на все настойчивые предложения примирения отвечает не без осторожности. Он упорно отклоняет приглашения М-ме Ролан (см. письмо последней от 25 апреля 1792 г.) и в то же время в своих выступлениях и письмах энергично подчеркивает, что борьба за мир означает для него отказ от гражданской войны.

Интересно отношение к грядущей революции 10 августа. 20 июля в письме к Кутону Максимилиан говорит о приближении развязки конституционной драмы: революция должна широко развернуться, иначе ей угрожает гибель в объятиях военного деспотизма. Но в данной ситуации, по его словам, друзья свободы не могут предвидеть и руководить событиями. Спасение в общественном разуме народа Парижа и департаментов, в справедливости революционного дела. Ж.Мишон, автор примечаний и издатель переписки, обращает наше внимание на то, что письмо М.Робеспьера от 20 июля 1792 г. свидетельствует о том, что 10 августа не вызвано было манифестом герцога Брауншвейгского. Да, но это письмо свидетельствует также о том, что у Робеспьера не было достаточного доверия и веры в революционное движение масс накануне 10 августа, что он не считал возможным возглавить это движение. Непосредственно перед восстанием (письмо без даты) он пишет другу: Французские Бруты-федераты — в Париже. Если они уйдут и не спасут отечества, все потеряно... Надвигаются огромные события, их трудно даже характеризовать. «До свидания, возможно прощай!»

Вскоре после революции Робеспьер объявляет о своем отказе возглавить уголовный трибунал, революционный суд секций. Он объясняет свой отказ тем, что не желает судить своих врагов. Здесь проявились конституционные взгляды Робеспьера, его стремление в самые сложные моменты революции сохранить конституционные гарантии и в первую очередь соблюсти принцип разделения властей.

Переписка дает немало деталей для биографии М. Робеспьера в каждый данный этап революции. Вот интересное письмо Максимилиана к Верньо, Бриссо и Гадэ, где он обличает апеллянтов, желающих передать разрешение вопроса о казни короля на усмотрение аристократии, возможно и прусского короля. А главное: апеллянты отождествляют его, Робеспьера, с Маратом, но он ничего общего не имеет ни с Петионом, ни с Маратом, но хочет республики, основанной полезными законами и мудрой конституцией. Вот письмо Дантону, в связи со смертью его жены, где Маскимилиан заявляет, что он любит Дантона теперь более, чем когда-либо, и будет любить его до смерти. Робеспьер зовет Дантона к взаимной борьбе с тиранами...

Наступает решительный период борьбы с Жирондой. Уже в феврале 93 года письма отмечают рост активности и готовности к борьбе якобинской коалиции. В письме Buissart'у от 21 февраля 1793 года Огюстен сетует на продовольственные беспорядки в столице. Но для него рост дороговизны и спекуляции — интрига контрреволюции. Подобными мерами хотят уничтожить якобинцев и раздавить Париж. 6 марта он отмечает рост влияния enragés и подчеркивает опасность «бешеных», влекущих революцию к дезорганизации. В апреле переписка выдвигает новые задачи якобинской политики: необходимо единство и чрезвычайные меры для спасения страны. Письмо Огюстена Buissart'у от 10 апреля 93 года интересно с точки зрения поисков якобинцами в тот момент блока всех революционных элементов в борьбе с Жирондой. «Мы можем спастись, — читаем мы в письме Огюстена, — лишь великим единством и чрезвычайными мерами». Осторожность и в то же время решительность необходимы потому, что «опасности всегда велики, наши силы разбросаны, и мы не знаем, какое сопротивление мы можем оказать многочисленным врагам революции». Необходимо якобинцам вести разъяснительную кампанию в провинции. Франция не понимает истинных мотивов борьбы фракций в Конвенте. 22 апреля Огюстен в письме к Buissart'у объясняет ему, что речь идет не о личной склоке, а о столкновении «защитников священных прав нации, с одной стороны, и предательских проектов интриганов, губящих республику — с другой». Он думает, что поход Жиронды против Коммуны Парижа, против якобинцев, наконец, процесс Марата раскроют глаза друзьям революции, и они поймут, что на одной стороне — якобинцы и народ, а на другой — Дюмурье, интриганы и роялисты.

«Моральная революция» 31 мая 2 июня победила (см. письмо Робеспьера-младшего от 1 июня), что будут делать победители? Переписка ничего или почти ничего не дает нам для понимания событий «переходного периода» революции, июня—июля 1793 года. В письме Огюстена от 5 июля мы читаем, что сама по себе конституция не спасет революцию, не сделает народ счастливым и свободным, необходимы еще гражданский кодекс и народное образование...

В середине июля в Париже начались серьезные продовольственные беспорядки: спекуляция растет. Робеспьер-младший отмечает эти новые опасности революции в письме от 14 июля. В этом же письме он сообщает Buissart'у об убийстве Марата, о предательстве Кюстина. Все это может, замечает он, послужить причиной нового восстания. Опасность велика... На завтра в новом письме Buissart'у Огюстен торжествует: ничего чрезвычайного не случилось. Опасность миновала. В конце концов, смерть Марата будет полезна республике, благодаря обстоятельствам, которыми она сопровождалась. Обстоятельства его смерти, его человеколюбие в отношении Ш.Кордэ дают возможность «демаратизировать Марата» и открыть народу глаза на тех, кто жаждет крови. «Усердные, но малосознательные граждане в настоящий момент, — пишет Огюстен, — солидарны с заговорщиками для пантеизации Марата». Это письмо, таким образом, подтверждает наше мнение об отношении робеспьеристов к Марату^{**}. Очевидно, что Огюстен высказал в этом случае общее мнение своих друзей и в первую очередь Максимилиана Робеспьера.

20 июля Огюстен с торжеством сообщает Buissart'у, что, наконец, достигнута окончательная победа над бунтовщиками... Ни страх перед голодом, ни дороговизна, ни смерть Марата, — ничто не могло поколебать революцию. Конвент занят теперь рассмотрением законов против спекуляции, и будем надеяться, пишет Робеспьер-младший, что еще немного терпения и спокойствия и республика окончательно

^{**} См. нашу статью «Классовая борьба г. июне—июле 1793 года» в журнале «Историк-Марксист», кн. I— II.

восторжествует.

М.Робеспьер возглавил революционное правительство; Огюстен был отправлен к итальянской армии. Переписка изменяет свой характер. Письма просителей, советчиков теперь особенно многочисленны, переписка между братьями и друзьями доведена до минимума. Почти исчезли письма к другу Buissart'у. Большинство писем — сообщения Огюстена из армии или предписания Комитета Общественного Спасения, составленные М. Робеспьером. Но историческое значение этих писем не уменьшается. Деятельность Робеспьера развернулась среди огромных опасностей. В своем донесении Комитету Общественного Спасения Огюстен, представитель при итальянской армии, подчеркивает необходимость избежать Сциллы и Харибды революции: следует не приостанавливать и не подстегивать пылкость республиканцев в столь критический для революции момент. Письма Огюстена за август—сентябрь 93 года настойчиво требуют принятия энергичных мер против: enrages, против секционеров, попавших под влияние крайних. Но часть якобинцев настаивает на принятии решительных мер. Один из них, Jullien, активный корреспондент Максимилиана, в письме от 1 октября 1793 года требует принятия ряда решительных революционных мер: надо санкюлотам дать почувствовать, что они не напрасно боролись и победили. Jullien предлагает принять меры для распространения народных обществ и изгнания из клубов богатых.

Макс. Робеспьер, глава революционного правительства, несет теперь ответственность за Францию, он выслушивает советы, но принимает лишь целесообразные решения. В обращении Ком. Общ. Спасения к Изабо, представителю в армии Зап.Пиринеев, и Тальену, уполномоченному Конвента, в ряде департаментов от 13 октября 93 года перу Робеспьера принадлежит примечание: «Наказывайте беспощадно и решительно предателей, роялистов, особенно вождей и главных агентов жирондистских и контрреволюционных интриг»... — Только отсутствием колебаний и революционной твердостью можно победить. Но в то же время в письме к Dumont'у Робеспьер от имени Комитета предлагает не давать врагам лишних мотивов для контрреволюционной деятельности особенно в вопросах религиозных. Надо преследовать неприсягнувших священников или предателей, но не следует объявлять гонение на духовенство, как таковое.

В конце 1793 года Макс. Робеспьер пытается сохранить «в чистом виде» свою борьбу с левыми и правыми. Каков социальный состав тех, с кем приходится бороться в это время революционному правительству? Среди писем имеется одно, которое дает кое-что интересное и по этому вопросу. 4 ноября 1793 г. Комитет Общественного Спасения сообщает A.Dumont'у о предполагаемом заговоре в его департаменте. Здесь же сообщается и список предполагаемых участников заговора: администратор дистрикта, два сельских хозяина, бывший дворянин, спекулянт, procureur-syndic, слуга, бывший маркиз, торговец вином. Пестрый состав заговорщиков в данном случае удачно вскрывает социальный состав того контрреволюционного блока, который, в дальнейшем расширяясь, привел революционную диктатуру к гибели.

В ноябре 1793 г. Макс. Робеспьер пишет от имени Комитета Общественного Спасения обращение к народным обществам. Он предлагает им взять на себя великую задачу нового воспитания, но при этом во чтобы то ни стало избежать насилия в борьбе с «пережитками прошлого». «Проникнитесь той истиной, что нельзя командовать над сознанием», замечает он. Пережитки прошлого, предрассудки могут быть излечены, но их нельзя лечить насильем... Гораздо более серьезная опасность, однако, грозит революции, благодаря тому, что нет необходимых средств для пропитания городов и армии. Огюстен в брюмере II года пишет Комитету из Ниццы о том, что общины департамента Альп гибнут, что итальянская армия не имеет продовольствия, что достать хлеб можно только реквизицией и что бессистемность последней серьезно подрывает ресурсы. Сделано все, чтобы получить иностранный хлеб. Но пока это не дало результатов. Что же делать? Огюстен развертывает в письме программу завоевательной войны. На территории Женевы, в Ломбардии значительные богатства. Прорваться туда, значит, обеспечить армию и республику... Но выполнима ли эта программа завоеваний?

Фор из Нанси 16 фримера II года жалуется Робеспьеру на реквизиции и бесчинства армии... О том же пишут Максимилиану анонимы. Комитет в письме Hentz'y, уполномоченному при северной армии, снова и снова напоминает на необходимость сопротивления модерантизму и «бешеным». Переписка прекрасно иллюстрирует то положение, что сохранить социальное равновесие Робеспьеру, революционному правительству, не удавалось, и в этом была трагичность их положения. Вот два письма от 24 фримера II года: одно принадлежит Леба и Сен-Жюсту, другое — Jerome'y Gillet. В первом мы читаем: «Фабриканты не являются патриотами, они не желают работать, их следует к этому принудить». Во втором письме сказано: «Деревни не принимаются в счет, сельское хозяйство и торговля в плачевном состоянии», необходимо объявить свободу культов.

Революция приближалась к тупику. Jullien в письме к Робеспьеру от 5 нивоза II года сообщает из Lorient'a о начавшемся бунте: причиной бунта послужил скверный хлеб. Мюскадены под маской рабочих вносят анархию, не желают возвращаться на работу и говорят о том, что известия о победах только басни. В такой обстановке можно ожидать всяческих сюрпризов. Робеспьер пишет Сен-Жюсту и Леба 9 нивоза II года: «Я боюсь, что среди наших успехов и накануне решительной победы могут обнаружиться печальные последствия какой-либо мерзкой интриги».

В какую сторону обратить террор? Переписка показывает, что справа и слева производилось серьезное давление на М. Робеспьера. Мы писали об этом выше. Здесь еще несколько примеров: в них особый интерес переписки. 10 нивоза II года Гodefруа жалуется, что Комитеты не изгнали из своей среды атеистов, всех тех, кто объявляет войну религии. Он снова требует свободы культов и умеренности. 19 нивоза Jullien пишет Робеспьеру, что основное зло в модерантизме и дороговизне. Он предлагает послать агентов в департаменты для учета и выяснения на местах состояния производства и потребления: тогда только легко будет обеспечить страну продовольствием. Эта идея о регулировании хозяйства государством повторяется несколько раз в письмах корреспондентов Максимилиана.

Генерал Диеш из Страсбурга пишет Робеспьеру о положении города: «Аристократы задрали носы; ассигнации падают; цены на хлеб растут», необходимо принять срочные революционные меры (28 нивоза II года). О том же пишет Jullien 10 плювиоза из Нанта. В дистрикте Morbihan, как и повсюду, господствует фанатизм и модерантизм, революционные законы не исполняются, как будто бы не было никогда революции; ассигнации отвергаются; ажиотаж распространился и в деревнях. Jullien, со своей стороны, делает все, чтобы помочь беде мирными средствами, но их недостаточно. Он предлагает Парижу организовать обмен гражданами с провинцией. Провинциалы в Париже революционируются, парижане на местах организуют и распространяют революционные идеи. 14 плювиоза Buissart обращается к Робеспьеру из Арраса с одобрением мер Лебона по изгнанию всех бывших дворян и священников из народных обществ и из рядов администрации. Он обращает внимание своего друга на то, что подчинение максимуму делает республиканцев жертвами окружающих общин, не желающих ему подчиняться. Необходимо уничтожить аристократию меркантилизма, заявляет Buissart. Только коммуны совместно с комитетом средств существования и обмена единственно должны вести торговлю... Таков один из проектов «национализации торговли», который не был принят Робеспьером.

Характерно, что в тягчайшие месяцы революции многие бывшие фельяны и конституционалисты заявляют о своем согласии работать с Робеспьером. Любопытно в этом отношении письмо депутата Конституанты Ле-Шапелье. Последний заявляет, что хотя он не всегда и не во всем согласен с Робеспьером, он любит, как и последний, республику. Шапелье считает, что всякий друг свободы должен ее поддержать. Мы находим в сборнике ряд подобных писем. Они приобретают особый интерес, если мы вспомним колебание робеспьеристской политики в последние месяцы господства революционного правительства.

Необходимость борьбы с крайностями особенно занимает Робеспьера-младшего. В своем письме брату от 3 вентоза II года он в ответ на клеветнические обвинения заявляет: «Необходимо воспитать народ, но не деморализовать его». По его словам, стремление нивелировать все — самая опасная система для революции. Если не будут приняты предупредительные меры, все будет дезорганизовано. В письме из Лиона (Commune Affranchie, 6 вентоза II года) Огюстен указывает на необходимость позаботиться о снабжении голодающих общин продовольствием. Он требует принятия решительных мер, чтобы уничтожить препятствия для свободы обмена между отдельными департаментами. Разрушение хозяйства, отмечает Огюстен, зашло так далеко, что хлеб из богатых районов не может быть доставлен в нуждающиеся департаменты. Он в письме к Максимилиану с тревогой отмечает рост врагов народа, скрывающихся под маской революционеров. Робеспьер-младший, со своей стороны, ведет жестокую борьбу с подобным лицемерием и потому особенно решительно возражает против преследования культа, против всего того, что может «вандализировать» департаменты (письмо Комитету Общественного Спасения от 6 жерминаля II года).

В жерминале переписка отмечает новый взрыв продовольственных беспорядков (письмо от 3 жерминаля). Но с падением эбертистов начинается наступление на дантонистов. Огюстен в письме своему брату от 16 жерминаля указывает, что собственно не Эбер, а «les deux gros D. et D.» (Дантон и Делакруа) Национального Конвента возглавляют контрреволюционный заговор. И в том же письме он указывает на то, что «революционная армия» неизбежно должна превратиться в контрреволюционную армию. Эта армия, естественно изолирована от общественного контроля, она опасна для революции. Но ее трудно в данный момент распустить. Что делать? Максимилиан просил еще раньше своего брата указать ему новых людей, патриотов, которых он встречал в своих командировках, чтобы заменить ими ушедших или уходящих. Но с грустью Огюстен отмечает, что их нет или их очень мало. Ряд патриотов излишне радикален. Их поведение свидетельствует о том, что они революцию понимают, как право делать все по своему желанию, не признавая ограничений. Среди патриотов, которых Огюстен рекомендует своему брату, мы находим гражданина Буонапарта, уроженца Корсики...

Наступил прериаль II года. Контрреволюция выросла и окрепла. От имени Комитета Общественного Спасения Робеспьер извещает Сен-Жюста о продовольственных беспорядках в столице, о бунтах в тюрьмах, о попытках террора против отдельных членов Комитета. Письмо предупреждает Сен-Жюста о возможном выступлении аристократии против свободы. И снова переписка свидетельствует об усилении умеренных, о росте модерантства в это время. Фор предлагает Робеспьеру объявить всеобщую амнистию; Gadillot обращает его внимание на то, что виноторговля, как и индустрия, на юге приостановились. Последний предлагает объявить вне закона больших преступников и амнистировать массу мелких преступников. Много интересного мы находим в письме агента Комитета Общественного Безопасности Merouze о положении дел в его округе (письмо второй декады мессидора II года). Merouze отмечает рост спекуляции. Буржуазию интересует только мир, пишет он, потому что на завтра после окончания войны начнется оживление торговли. Негоцианты думают только о своих барышах, закон о максимуме не выполняется. В деревнях царствует фанатизм; священники пользуются своим влиянием, чтобы подчинить себе темных крестьян. Он тут же отмечает, что земледельцы игнорируют закон об обработке пустующих земель, потому что боятся реквизиции их урожая... Но все это особенно опасно, добавляет Merouze, потому, что негоцианты публично заявляют: «мы являемся знатью» и требуют «мира», чтобы господствовать, благодаря своим богатствам.

На этом кончается переписка. Дальнейшие письма вплоть до 5 термидора не представляют особенного интереса.

Мы отнюдь не исчерпали богатств сборника, составленного Ж.Мишоном. Нам пришлось оставить в стороне интересные письма термидорианцев, коленопреклоненных перед Робеспьером, и десятки писем благодарных граждан, спасенных Робеспьером. Нас мало интересовал вопрос о реабилитации Максимилиана Робеспьера от контрреволюционных обвинений. Стоит только разве из серии писем биографического характера обратить внимание читателей на характеристику Шарлотты Робеспьер, данную Огюстеном в письме к брату в прериале II года. Эта ничтожная сестра великих братьев пыталась потом эксплуатировать память последних, не брезгуя пенсией императора. Огюстен утверждает, что Шарлотта своим поведением их дискредитирует, что против нее необходимо принять решительные меры...

Но переписка, как мы видели, имеет не только биографическое значение. Эти документы имеют большое историческое значение. Перед ними отражен этап за этапом бурная эпоха революции. Конституционалист-демократ вначале революции, Максимилиан Робеспьер, спустя несколько месяцев, начинает ожесточенную войну с буржуазной олигархией. Он продолжает ее, объединяя вокруг себя решительных демократов во всех углах Франции, и возглавляет их в борьбе с монархией вплоть до 10 августа. Переписка отмечает здесь две характерные особенности деятельности братьев: чрезвычайную осторожность в вопросах экономических, согласие примириться с постепенным конституционным разрешением крестьянского вопроса и недоверие или, вернее, сугубую осторожность в оценке стихийного революционного движения масс.

В эпоху Конвента личное обаяние Максимилиана выросло, он стал общепризнанным главой революции. В борьбе за демократию Робеспьер ищет союза всех последовательно-республиканских элементов для борьбы с Жирондой, но в то же время устами Огюстена предупреждает от увлечения крайностями. Как характерно это стремление «демаратизировать» революцию! Робеспьеристы побеждают. И переписка дает нам огромный материал для оценки того классового давления, которое оказывали на Робеспьера и «справа» и «слева». Он ищет социального равновесия. Твердой рукой направляя корабль революции, Робеспьер видит свою главную заботу в обеспечении нормального хода буржуазного общества и дальнейшего успешного капиталистического накопления и одновременно охраны интересов мелкого люда. Но это ему не удастся. Углубление социальных противоречий, обнищание масс и обогащение «новой знати» — решающие препятствия его политики. И переписка, блестяще иллюстрируя эту Сциллу и Харибду революции, вместе с тем дает указание на крутой поворот робеспьеризма вправо: с весны 1794 года имущая часть мелкой буржуазии, которая в феврале 1793 г. взяла на себя инициативу блока с народными трудящимися массами, ищет теперь союза с окрепшей торгово-промышленной буржуазией Франции против крайностей слева. Но зачем нужен был мелкобуржуазный революционер и демократ-республиканец буржуазии после победы революции, тем более, что честь и нравственность были знаменем Робеспьера? Не характерно ли, что в письмах Робеспьера и его младшего брата мы не находим проектов и предложений экономических мероприятий, которые не совпадали бы с обычной буржуазной программой эпохи?

Переписка братьев дает богатейший материал не только для реабилитации Максимилиана и Огюстена, но и для выяснения исторической трагедии робеспьеризма.